

Севернохантыйский язык: аккузативный или иерархический?

Н. А. Муравьев (НИУ ВШЭ, Москва),

Введение

Хантыйский язык (обско-угорские < финно-угорские < уральские) на первый взгляд мало чем отличается от генетически и ареально близких ему языков с аккузативной стратегией ролевого кодирования, распространенных на территории Западной Сибири. Принадлежность хантыйского к аккузативным и частично нейтральным языкам утверждается, в частности, в грамматике [Nikolaeva 1999: 38]. Это следует из поведения падежного маркирования именных групп и глагольного согласования: S/A-участник выступает в немаркированной форме и вызывает первичное согласование, тогда как O-участник маркируется аккузативом либо остается немаркированным и иногда вызывает вторичное согласование. Однако такой взгляд на хантыйскую систему основан только на устройстве активного залога и не учитывает тот факт, что активный залог в значительной мере ограничен с точки зрения свойств A-участника, а пассивный залог как минимум не уступает активному в частотности и при некоторых сочетаниях участников оказывается даже обязательным. При этом дистрибуция актива и пассива обнаруживает ряд иерархических эффектов, сближающих данные категории с директивом и инверсивом в языках с иерархической стратегией ролевого кодирования. Цель исследования — установить, какая стратегия кодирования является базовой для хантыйского языка: аккузативная или иерархическая. Материалом для исследования послужили данные дистанционного опроса носителей с. Казым ХМАО (2020–2021), а также тексты из севернохантыйского корпуса на тегинском, хантыйском и шурышкарском диалектах¹.

Статья состоит из трех разделов. В разделе 1 представлены основные сведения о кодировании участников в хантыйском языке. Раздел 2 посвящен анализу иерархических эффектов залога и лично-числовго согласования в системе казымского диалекта хантыйского языка. В разделе 3 подводятся итоги исследования и обсуждается статус казымского хантыйского языка в типологии систем ролевого кодирования.

1. Ролевое кодирование в хантыйском языке: постановка задачи

В типологической литературе выделяется шесть базовых стратегий кодирования ядерных участников [Nichols 1992: 65]: нейтральная (S=A=O), аккузативная: (S=A≠O), эргативная: (S=O≠A), трехчастная (S≠A≠O), активно-стативная (S1=A, S2=O) и иерархическая. Севернохантыйский язык традиционно относят к аккузативным языкам, и это заметно в примерах (1) и (2) с переходными глаголами, где, во-первых, S/A-участник тяготеет к начальной позиции, а O-участник располагается между ним и глаголом, во-вторых, глагол дефолтно согласуется с S/A участником и лишь во вторую очередь с O-участником (2) и, в-третьих, личные местоимения, как в (2), кодируются аккузативом.

(1) *waśa-j-en an šūkət-əs*
Вася-EP-POSS.2SG чашка разбить-PST[3SG]
'Вася разбил чашку.'

(2) *waśa-j-en mānətti χātsə-s / χātsə-s-le*
Вася-EP-POSS.2SG я.ACC ударить-PST[3SG] / ударить-PST-3SG>SG
'Вася ударил меня.'

---

¹ Корпус текстов на хантыйском языке общим объемом в 42174 словоупотребления, разработанный Е. В. Кашкиным в рамках программы фундаментальных исследований президиума РАН «Корпусная лингвистика» (2012–2014 гг.).

Однако во многих отношениях хантыйский язык отходит от аккумулятивной модели. Известно, что в восточных диалектах хантыйского имеются конструкции, которые используют эргативную стратегию кодирования, как, к примеру, переходная конструкция в (3) с локативным маркированием агенса и глаголом в субъектно-объектном спряжении активного залога, которая используется параллельно со стандартной переходной конструкцией, как в (4).

(3) *öllä sart rätš män-nə öyöli-s-im*
 большой щука старик я-LOC готовить-PST1-1SG>SG
 ‘Я большую щуку приготовил.’ [Filchenko 2010: 399]

(4) *ma ämp-äm tiyl-a kari-mta-s-im*
 я собака-POSS.1SG DEM-LAT тянуть-INTNS-PRF-1SG>SG
 ‘Я притянул собаку ближе.’ [Filchenko 2005: 30]

Кроме того, некоторые факты об устройстве залоговой системы в северных диалектах дают повод говорить о хантыйском как о языке не с аккумулятивной, а с иерархической стратегией кодирования участников. Под иерархической понимается такая стратегия, при которой кодирование участников определяется одной или несколькими семантическими, синтаксическими и/или дискурсивными иерархиями, ср. [Thompson 1994; Dixon, Aikhenvald 1997; Zuñiga 2006]. Общий принцип кодирования в иерархических системах сформулирован в работе [Siewierska 1998: 10; перевод мой]:

В иерархической системе кодирование А и О зависит от их взаимного расположения на референциальной и/или онтологической иерархиях. Участник, занимающий более высокую позицию, кодируется особым образом и по-разному в зависимости от языка.

Иерархические системы кодирования фиксируются преимущественно в языках Северной и Южной Америки, Тибето-бирманских языках и на севере Австралии, см. [Siewierska 2013], однако отдельные иерархические эффекты присутствуют во многих других языках, и уральские языки не являются исключением. Так, в венгерском и в северносамодийских языках действует так называемый запрет на инверсивное согласование (англ. *inverse agreement constraint*), ср. [É. Kiss 2013; Bárány 2015]. В языках с этим ограничением субъектно-объектное спряжение невозможно при О-участнике первого или второго лица, который более топикален, чем А-участник третьего лица, ср. пример (5) с О-участником третьего лица и субъектно-объектным спряжением и (6) с О-участником первого лица и субъектным спряжением.

(5) *János lát-t-a őt.*
 Янош видеть-PST-OBJ.3SG он.ACC
 ‘Янош увидел его.’ [É. Kiss 2013: 2]

(6) *János lát-ott engem.*
 Янош видеть-PST.3SG я.ACC
 ‘Янош увидел меня.’ [там же]

Если в венгерском это единственное явление подобного рода, то в севернохантыйском обнаруживается целый ряд ограничений, которые можно назвать иерархическими. Так, в своей работе [Nikolaeva 2001] на материале обдорского диалекта хантыйского И. А. Николаева, опираясь на определения информационно-структурных функций топика и фокуса в работе [Lambrecht 1994], отмечает, что позицию подлежащего в активном залоге может занимать только топикальный А-участник (7a, b), а при фокусе на А-участнике используется пассивный залог (8). Кроме того, если О-участник топикальный, он также согласуется с глаголом в активном залоге, ср. (1a) и (1b).

(7) a. *luw / Juwan Pe:tra re:sk-əs / *re:sk-əs-li*
 он / Иван Петр ударить-PST[3SG] / ударить-PST-3SG>SG
 {Кого ударил Иван?} ‘Он/Иван ударил Петра.’ [Nikolaeva 2001: 16]

b. *luw Pe:tra / luw-e:l re:sk-əs-li / *re:sk-əs*
 он Петр / он-ACC ударить-PST-3SG>SG / ударить-PST[3SG]
 {Что Иван сделал с Петром?} ‘Он ударил Петра/его.’ [там же]

(8) *kalan ɣoj-na we:l-s-a? Juwan-na we:l-s-a*
 олень кто-LOC убить-PST-PASS[3SG] Иван-LOC убить-PST-PASS[3SG]
 ‘Кто убил Оленя? Иван убил.’ [там же: 25]

Это распределение отражает более высокий статус топикальных участников по сравнению с другими участниками и подразумевает их иерархическую упорядоченность.

В казымском диалекте, как будет показано далее, выбор между активным и пассивным залогом и выбор между субъектным и субъектно-объектным спряжением в активном залоге зависит не только от информационной структуры, но и от референциального статуса и одушевленности участников. К примеру, активный залог не может использоваться в контекстах вроде (9а), где А-участник ‘ветер’ уступает в одушевленности О-участнику ‘Маша’, в этом случае используется пассив (9b).

(9) a. **wət-en maša-j-en ił pǎwt-əs*
 ветер-POSS.2SG Маша-EP-POSS.2SG вниз уронить-PST[3SG]
 {Кого ветер сбил с ног?} ‘Ветер сбил МАШУ.’

b. *wət-ən maša-j-en ił pǎwət-s-a*
 ветер-LOC Маша-EP-POSS.2SG вниз уронить-PST-PASS[3SG]
 {Кого ветер сбил с ног?} ‘Ветер сбил МАШУ.’

Такого рода факты ставят перед нами закономерный вопрос: в действительности ли базовой стратегией кодирования в хантыйском языке является аккузативная стратегия или перед нами случай иерархической системы? Для ответа на этот вопрос необходимо подробно остановиться на всех известных явлениях, связанных с залогом и кодированием участников, которые могут быть проинтерпретированы при помощи различных иерархий, описанных в типологических работах, и обсудить их значимость для понимания общей картины кодирования участников.

2. Иерархические эффекты казымской глагольной системы

Как мы упомянули в разделе 1, хантыйская глагольная система обнаруживает ряд иерархических эффектов, которые ставят под сомнение отнесенность хантыйского языка к языкам с аккузативной стратегией. Далее мы отдельно рассмотрим иерархические эффекты, влияющие на выбор между активным и пассивным залогом (2.1) и на выбор между субъектным и субъектно-объектным спряжением (2.2).

2.1. Активный и пассивный залог

В хантыйском языке имеется синтетическая форма пассивного залога с показателем *-a(j)- / -i(j)-*, который располагается после показателя времени и перед показателем лично-числового согласования. Алломорф с конечным йотом используется, если далее следует лично-числовой показатель, тогда как алломорф без йота фиксируется в форме 3-го л. ед. ч. с нулевым показателем. Алломорф *-a(j)-* выбирается при глаголах с основой на согласный, *-i(j)-* — с основами на гласный [Каксин 2010: 112–114]. Пассив характеризуется высокой частотностью в текстах. Его основной функцией является поддержание топика [Кошкарёва 2002: 35] в случаях, когда участник с семантической ролью агенса не соответствует данной информационно-структурной роли [Kulonen 1989: 71; Nikolaeva 2001: 25; Virtanen, Sosa 2018: 235]. Как уже было сказано выше, описание глагольной системы обдорского диалекта в [Nikolaeva 2001] опирается на модель информационной структуры высказывания в [Lambrecht 1994], в которой на основе вопросно-ответных тестов выделяется а) аргументный фокус, как в {Кого Вася ударил?} Он

ударил ПЕТЮ, б) предикатный фокус {Что Вася сделал с Петей?} Он УДАРИЛ Петю и в) сентенциальный фокус, как в {Что случилось?} Вася ударил Петю. Так, в вопросно-ответной паре (10) топиком является О-участник ‘олень’, тогда как А-участник ‘Иван’ оказывается в фокусе и поэтому не может стоять в позиции подлежащего при активном залоге. По этой причине используется пассивный залог, при котором ‘олень’ занимает позицию подлежащего, а ‘Иван’ помещен в позицию косвенного дополнения в локативе.

- (10) *kalan* *χoj-na* *we:l-s-a?* *Juwan-na* *we:l-s-a*
 олень кто-LOC убить-PST-PASS[3SG] Иван-LOC убить-PST-PASS[3SG]
 ‘Кто убил Оленя? Иван убил.’ [Nikolaeva 2001: 25]

Помимо информационной структуры высказывания, свою роль играет и топикальность, или активированность референтов в дискурсе, ср., к примеру, понимание топикальности в работе [Givón 1983]. В нарративной последовательности (11) ниже ‘свекровь’ и ‘сноха’ являются наиболее топикальными участниками, тогда как А-участник последнего высказывания ‘нити выделяющая женщина’ упоминается впервые и также не может занимать позицию подлежащего, поэтому и в этом случае используется пассив с А-участником в позиции косвенного дополнения в локативе.

- (11) {В одно время люди жили, сноха у них тоже была. Это было в наших краях. Каждый вечер эта сноха нити делает. Свекровь ей говорит: «Невестка, нельзя по вечерам нити делать...»}
pŷn *werti* *imi-j-ən* *jöχət-λ-aj-ən*
 нити делать женщина-EP-LOC прийти-NPST-PASS-2SG
 ‘Нити выделяющая женщина к тебе придет.’ [Кошкарева 2002: 35]

Хантыйский пассив используется чрезвычайно широко, продвигая в позицию подлежащего участников целого спектра семантических ролей от пациента и темы до более периферийных ролей, ср. реципиент (12), бенефициант (13) и место (14).

- (12) *wen-jöχ-λ-al-ən* *mört-a* *məjλə-s-ij-ət*
 зять-люди-PL-POSS.3SG-LOC мера-LAT дарить-PST-PASS-3PL
 ‘Они были щедро одарены семьей зятя.’ [Kulonen 1989: 229]²
 (13) *taw-əŋ* *pāsən-ən*, *soŋ-əŋ* *pāsən-ən* *wer-s-aj-ət*
 мед-ADJ стол-LOC пиво-ADJ стол-LOC делать-PST-PASS-3PL
 ‘Стол с медом и пивом был накрыт для них.’ [там же: 220]
 (14) *moŋ* *šiw-ən* *ətəs-λ-a*
 земля туман-LOC сесть-NPST-PASS[3SG]
 ‘Погода туманная.’ [там же: 185]

Рассмотренные выше примеры свидетельствуют о более выраженной ориентации хантыйского пассива на информационную структуру по сравнению, к примеру, с пассивным залогом в русском и других европейских языках, однако, в целом, все еще вписываются в аккумулятивную модель ролевого кодирования. Обратимся теперь к основным иерархическим эффектам хантыйского залога.

Наиболее заметным признаком иерархичности глагольной системы является приоритетное кодирование локальных участников (первое и второе лицо) над нелокальными (третье лицо), а в иногда также приоритет одного из локальных участников над другим, хотя в отношении последнего случая языки довольно сильно варьируются. Хрестоматийным примером языка с иерархической системой кодирования и категорией направления является равнинный кри [Zuñiga 2006: 2]. Так, в примере (15) А-участник первого лица превосходит в личной иерархии О-участника третьего лица, поэтому глагол оформлен показателем директива. В (16) же, напротив А-участник третьего лица уступает

² Здесь и далее англоязычные переводы в иностранных источниках даны в русском варианте, перевод на русский язык мой, Н.М.

в иерархии О-участнику первого лица, поэтому глагол оформлен показателем инверсива. Инверсив в данном случае прямо противоположен по функции директиву.

РАВНИННЫЙ КРИ (< алгонкинские)

(15) *ni-wāram-ā-w*
1-видеть-DIR-3
'Я вижу его/ее' [Zuñiga 2006: 2]

(16) *ni-wāram-ikw-w*
1-видеть-INV-3
'Он(а) видит меня' [там же]

Обратимся теперь к выбору между активом и пассивом в контекстах $3>1/2$, $1/2>1/2$ и $1/2>3$ в казымском хантыйском. Особенностью севернохантыйских диалектов, за исключением обдорского, является отсутствие у местоимений падежной формы локатива, ср. обзор в [Вальгамова и др. 2011: 168–171] и связанный с этим повсеместный запрет (в том числе и в обдорском) на использование личных местоимений в косвеннообъектной позиции при пассиве. Поэтому в конфигурации $1/2>3$ может использоваться только активный залог (17), ср. невозможность пассива в (18).

(17) *ma waśa-j-en χätsə-s-əm*
я Вася-EP-POSS.2SG ударить-PST-1SG
'Я ударил Васю.'

(18) **waśa-j-en <mänemən>³ χätsə-s-i*
Вася-EP-POSS.2SG я.LOC ударить-PST-PASS[3SG]
Ожид.: 'Васю я ударил.'

В контекстах обоих участников первого/второго лица также используется исключительно активный залог, ср. (19) и неграмматичность (20).

(19) *näj mänətti χätsə-s-ən*
Вася-POSS.2SG я.ACC ударить-PST[3SG]
'Ты меня ударил.'

(20) **ma <näjənən> χätsə-s-ij-əm*
я ты.LOC ударить-PST-PASS-1SG
Ожид.: 'Ты меня ударил.'

В свою очередь, в конфигурации $3>1/2$, может использоваться как активный (21), так и пассивный залог (22).

(21) *ma waśa-j-en-ən χätsə-s-ij-əm*
я Вася-EP-POSS.2SG-LOC ударить-PST-PASS-1SG
'Меня Вася ударил.'

(22) *waśa-j-en mänətti χätsə-s*
Вася-EP-POSS.2SG я.ACC ударить-PST[3SG]
'Вася ударил меня.'

Стоит отметить, однако, что в текстах активный залог при таком сочетании лиц участников встречается заметно реже, чем пассивный. Так, в казымском подкорпусе севернохантыйского корпуса активный залог с О-участником 1-2 лица, как показано в таблице ниже, используется почти исключительно при А-участнике тоже 1-2 лица, тогда как при А-участнике третьего лица в подавляющем большинстве случаев используется пассив.

	$1/2>1/2$	$3>1/2$	Всего
Актив	43	4	47
Пассив	—	42	42

³ Здесь и далее угловые скобки указывают на отсутствие у лексемы приведенной в примере формы.

Всего	43	46	89
-------	----	----	----

Наиболее близкой аналогией к хантыйскому в этом отношении можно считать язык южный тива, в котором в инверсивных конфигурациях также используется пассивная морфология, ср. $1 > 3$ (23) и $3 > 1$ (24), с той лишь разницей, что пассив во втором случае является полностью обязательным [Zuñiga 2006: 2–3; Gildea, Zuñiga 2016: 488]. В контекстах обоих участников первого/второго лица также используется только активный залог.

ЮЖНЫЙ ТИВА (< кайова-таноанские)

(23) *Seuan-ide ti-mu-ban.*

человек-SG 1SGII(A)-видеть-PST
‘Я увидел человека.’

(24) *Seuan-ide-ba te-mu-che-ban.*

человек-SG-OBL 1SGI-видеть-PASS-PST
‘Человек увидел меня.’

Теперь рассмотрим выбор залога в контекстах обоих участников третьего лица. В обдорском хантыйском активный залог не может использоваться при А-участнике в аргументном фокусе [Nikolaeva 2001: 25]. Похожая картина наблюдается и в казымском диалекте, ср. пассивный залог в (25a) и сомнительность активных форм в (25b).

(25) a. *waša-j-en pet'a-j-en-ən χātsə-s-i*
Вася-EP-POSS.2SG Петя-EP-POSS.2SG-LOC ударить-PST-PASS[3SG]

{Кто ударил Васю?} ‘ПЕТЯ ударил Васю.’

b. *?pet'a-j-en waša-j-en χātsə-s*
Петя-EP-POSS.2SG Вася-EP-POSS.2SG ударить-PST[3SG]

{Кто ударил Васю?} Ожид.: ‘ПЕТЯ ударил Васю.’

В казымском хантыйском выбор между активным и пассивным залогом также зависит от одушевленности участников. Так, при неодушевленном А-участнике и одушевленном О-участнике активный залог попадает под запрет (26a), и единственно возможным оказывается пассивный залог (26b).

(26) a. **wət-en maša-j-en il pāwt-əs*
ветер-POSS.2SG Маша-EP-POSS.2SG вниз уронить-PST[3SG]

‘Ветер уронил машу.’

b. *wət-ən maša-j-en il pāwət-s-a*
ветер-LOC Маша-EP-POSS.2SG вниз уронить-PST-PASS[3SG]

‘Ветер уронил машу.’

Случаи, когда А-участник одушевленный, но уступает в одушевленности О-участнику, как ‘собака’ в (27), попадают под менее категоричный запрет.

(27) a. *?amp-en pet'a-j-en tɔχm-əs*
собака-POSS.2SG Петя-EP-POSS.2SG кусать-PST[3SG]

Ожид.: {Кого укусила собака?} ‘Собака укусила ПЕТЮ.’

b. *pet'a-j-en amp-ən tɔχəm-s-a*
Петя-EP-POSS.2SG собака-LOC кусать-PST-PASS[3SG]

{Кого укусила собака?} ‘Собака укусила ПЕТЮ.’

При этом более значимую роль, по-видимому, играет именно одушевленность А-участника, поскольку даже при неодушевленном О-участнике, как в (28), использование активного залога оказывается затруднено.

(28) a. **wəten lipt-ət ar-a tɔ-s*
ветер-POSS.2SG лист-PL много-DAT нести-PST[3SG]

‘Ветер разбросал листья.’

b. *lipt-ət wət-ən ar-a tɔ-s-ij-ət*

лист-PL ветер-LOC много-DAT нести-PST-PASS-3PL
'Ветер разбросал листья.'

Тем не менее в некоторых особых контекстах вроде (29), где ветер топикален и осмысливается как полноценное действующее лицо, запрет на активный залог может сниматься.

- (29) *wət-en tām sōχ-ət ił pawt-əs*
ветер-POSS.2SG этот кожа-PL вниз ронять-PST[3SG]
{Что натворил сегодня ветер?} 'Ветер уронил это белье'

Помимо одушевленности, на выбор залога влияет также референциальный статус участников. При референтном неопределенном А-участнике и определенном О-участнике допустимо использование только пассивного (30b, 31b), но не активного залога (30a, 31a).

- (30) a. **mōlsər aj_iki waśa-j-en χūtśə-s*
что.INDEF мальчик Вася-EP-POSS.2SG ударить-PST[3SG]
Ожид.: 'Какой-то мальчик ударил собаку.'
b. *waśa-j-en mōlsər aj_iki-j-ən χūtśə-s-i*
Вася-EP-POSS.2SG что.INDEF мальчик-EP-LOC уронить-PST-PASS[3SG]
'Какой-то мальчик ударил собаку.'
- (31) a. **mōlsər aj_iki tām an-en šūkət-əs*
что.INDEF мальчик этот чашка-POSS.2SG ударить-PST[3SG]
Ожид.: 'Какой-то мальчик ударил собаку.'
b. *tām an-en mōlsər aj_iki-j-ən šūkət-s-a*
этот чашка-POSS.2SG что.INDEF мальчик-EP-LOC уронить-PST-PASS[3SG]
'Какой-то мальчик ударил собаку.'

Если же оба участника оказываются референтными неопределенными, как в (32), ограничение на активный залог снимается.

- (32) a. *aj_iki amp χūtśə-s*
мальчик собака ударить-PST[3SG]
{Что случилось?} 'Мальчик ударил собаку.'
b. *amp aj_iki-j-ən χūtśə-s-i*
собака мальчик-EP-LOC ударить-PST[3SG]
{Что случилось?} 'Мальчик ударил собаку.'

Однако в безличных переходных контекстах, где референтный неопределенный (33) или генерический А-участник (34) не выражен, используется исключительно пассивный залог.

- (33) *an šūkət-s-a / *šūkət-s-ət*
чашка ломать-PST-PASS[3SG] / ломать-PST-3PL
{Что случилось?} 'Чашку разбили.'
- (34) *tāta išne-t at keśa tōχər-λ-aj-ət / *tōχər-λ-ət*
здесь окно-PL ночь для запирать-PST-PASS-3PL / запирать-PST-3PL
'Здесь окна на ночь закрывают.'

Кроме того, существует целый ряд глаголов, у которых пассивный залог является основным или единственным вариантом, ср. [Соловар 2010: 91–92]. Такие глаголы описывают изменение психического, физического, физиологического или метеорологического состояния в результате воздействия нереперентной и неодушевленной внешней силы, которая, как и ветер, не может стоять в позиции подлежащего переходного глагола. Так, пассив образуется от одноместных глаголов *māreməti* 'соскучиться' (35), не имеющего активной формы, *pātləti* 'стемнеть' (36), имеющего параллельную активную форму для безличного контекста *na ulice stemnelo*, и *śōχiti* 'гореть, тлеть' с синонимичными активной и пассивной формой (37).

- (35) *apəlne-η-en māremə-s-i*

младшая.сестра-EP-POSS.2SG соскучиться-PST-PASS[3SG]

‘Сестра твоя соскучилась.’ [Соловар 2010: 92]

(36) *lɯw šäta pätl̥-s-i*

она там стемнеть-PST-PASS[3SG]

‘Ее там темнота застала.’ [там же: 92]

(37) *perək šəŋxi-s-a / šəŋxi-əs*

бумага тлеть-PST-PASS[3SG] / тлеть-PST[3SG]

‘Бумага истлела.’

В последнем примере разница, по-видимому, состоит в том, что при активе событие тления концептуализуется как внутренний естественный процесс, тогда как при пассиве — это результат внешнего воздействия, ср. примеры ниже с глаголом *pətti* ‘мерзнуть’ и неодушевленным участником (38) и с одушевленным участником (39), которого событие замерзания в нормальном случае может затронуть только извне.

(38) *jəχan-ew pət-s-a / pət-əs*

река-POSS.1PL замерзать-PST-PASS[3SG] / замерзать-PST[3SG]

‘Наша река замерзла.’

(39) *amp-en pət-s-a / ?pət-əs*

собака-POSS.2SG замерзать-PST-PASS[3SG] / замерзать-PST[3SG]

‘Собака замерзла.’

Это можно рассматривать как свидетельство того, что пассивный залог сохраняет переходность глагола, не устраняя А-участника полностью, а только не выражая его в силу его крайне низкой позиции на референциальной иерархии.

Таким образом, залог в казымском хантыйском обнаруживает признаки иерархической организации. Как и в классических иерархических языках локальные контексты обнаруживают явный, хотя и не везде последовательный приоритет над нелокальными, а в нелокальных контекстах выбор между активом и пассивом зависит не только от топикальности А- и О-участника, как в обдорском, но и от их взаимного расположения на референциальной иерархии и иерархии одушевленности.

2.2. Субъектное и субъектно-объектное спряжение

В обдорском диалекте, по данным [Nikolaeva 2001] выбор между субъектным и субъектно-объектным спряжением зависит от информационной структуры: если О-участник находится в фокусе, используется субъектное спряжение (40), если же он, как и А-участник, топикален, используется субъектно-объектное спряжение (41), ср. аналогичные выводы на материале восточных диалектов [Filchenko 2012: 120–122].

(40) *lɯw / Juwan Pe:tra re:sk-əs / *re:sk-əs-li*

он / Иван Петр ударить-PST[3SG] / ударить-PST-3SG>SG

{Кого ударил Иван?} ‘Он/Иван ударил Петра.’ [Nikolaeva 2001: 16]

(41) *lɯw Pe:tra / lɯw-e:l re:sk-əs-li / *re:sk-əs*

он Петр / он-ACC ударить-PST-3SG>SG ударить-PST[3SG]

{Что Иван сделал с Петром?} ‘Он ударил Петра/его.’ [там же]

Ситуация в казымском диалекте отличается от обдорского. Так, в [Кошкарева 2002: 32] на материале текстовых примеров утверждается, что у переходных глаголов субъектное спряжение используется «в общих высказываниях, передающих информацию о событии в целом», как в следующем фрагменте (42) с глаголами *aləməti* ‘поднять’ и *pəŋəti* ‘положить’.

(42) *šit-əl-n wəŋšəpl-əl aləm-əs*

это-POSS.3SG-LOC набирушка-POSS.3SG поднять-PST[3SG]

‘После этого (он) набирушку поднял.’

kāt-χολәм *tōlax* *pōnamt-əs*
 два-три гриб положить-PST[3SG]
 ‘Два-три гриба (в нее) положил.’
jōχi *si* *mān-əs*
 домой так идти-PST[3SG]
 ‘И так пошел домой.’ [Кошкарева 2002: 32]

В свою очередь, субъектно-объектное спряжение используется «в частноинформативных высказываниях, уточняющих часть информации, а также в высказываниях, ремой которых является одно сказуемое», что иллюстрируется фрагментом (43) с глаголами *nōχ aлетәti* ‘поднять’ и *temәtti* ‘выбросить’

(43) *in* *ime-λ* *kim* *et-əm* *jūrijән*
 этот женщина-POSS.3SG наружу выйти-PST.PTCP после
 ‘После того, как эта женщина наружу вышла.’
sorni *an-ije-λ* *nōχ* *alәм-əs-λe*
 золотой чашка-DIM-POSS.3SG вверх взять-PST-3SG>SG
 ‘(Та женщина) взяла золотую чашку.’
pūn-λ-ал *jira* *temәt-s-әле*
 нитка-PL-3SG в.сторону выбросить-PST-3SG>SG
 ‘Все нитки выбросила.’ [Кошкарева 2002: 33]

Иными словами, утверждается, что субъектное спряжение в казымском хантыйском используется только в тетических, коммуникативно нерасчлененных высказываниях, тогда как субъектно-объектное спряжение возникает не только в контекстах предикатного фокуса, как в обдорском примере (9), но и при аргументном фокусе на каком-либо из участников. Описанная картина явным образом отличается от ситуации в обдорском диалекте, хотя оценить реальное распределение информационно-структурных функций по приведенным фрагментам представляется затруднительным.

Полевые данные казымского диалекта свидетельствуют о том, что при предикатном фокусе, как и в обдорском, действительно используется исключительно субъектно-объектное спряжение (44), тогда как в контекстах и тетических высказываний, и аргументного фокуса на прямом объекте обе формы оказываются возможны (45).

(44) *pet'a-j-en* *aj_ike-n* *χәtsә-s-λe* / *χәtsә-s
 Петя-EP-POSS.2SG мальчик-POSS.2SG ударить-PST-3SG>SG / ударить-PST[3SG]
 {Что Петя сделал с мальчиком?} ‘Петя УДАРИЛ мальчика.’

(45) *pet'a-j-en* *aj_ike-n* *χәtsә-s-λe* / *χәtsә-s*
 Петя-EP-POSS.2SG мальчик-POSS.2SG ударить-PST-3SG>SG / ударить-PST[3SG]
 {Что случилось? / Кого Петя ударил?} ‘Петя ударил МАЛЬЧИКА.’

Вариативность в выборе спряжения в одном и том же контексте аргументного фокуса на О-участнике прослеживается и в текстах. Так, в одном фрагменте (46) в ответ на эксплицитно поставленный частный вопрос используется субъектное спряжение.

(46) – *mōj-λ-an* *nāη* *lipsi-λ-ән?*
 что-PL-POSS.2SG ты лизать-NPST-2SG
 ‘Что ты там слизываешь?’
 – *pa* *sqλ-λ-am* *kim* *karalә-s-әм,* *sqλ-λ-am* *λe-λ-әм*
 ADD кишка-PL-1SG наружу ковырять-PST-1SG кишка-PL-1SG есть-NPST-1SG
 ‘Я вытащил свои кишки, ем кишки.’ [Корпус: «Лживый лис», 13, 14]

В другом фрагменте (47) в ответе на похожий вопрос используется уже субъектно-объектное спряжение.

(47) *χōjt-en* *nāη* *in* *lawәλ-λ-en* *pa?*
 человек-POSS.2SG ты сейчас ждать-NPST-2SG>SG ADD

‘Или ждешь кого-то?’

sa sa lõp-əs balda lǝw-el
PRTC PRTC говорить-PST[3SG] Балда он-3SG

‘Да-да, — сказал Балда ему’

lawəl-λ-em ma tōm aj pǎləŋ
ждать-NPST-1SG>SG я тот маленький туча

‘Жду я ту маленькую тучку.’ [Корпус: «Сказка о попе и его работнике Балде», 186–188]

При более внимательном взгляде на контрасты (42)-(43) и (46)-(47) можно увидеть, что и в первом, и во втором случае разницу в форме глагола можно объяснить различным референциальным статусом О-участников. Так, два-три гриба в (42) не могут быть однозначно отождествлены референтами, поэтому имеют статус референтных неопределенных. В свою очередь, ‘золотая чашка’ в (43) и ‘та маленькая тучка’ в (47) описывают уникальные объекты в текущем дискурсе, поэтому являются определенными. Несколько сложнее интерпретировать разницу между ИГ ‘нитки’ в (43) и ‘кишки’ в (46). В обоих случаях речь идет об определенном множестве объектов, и отсутствие объектного согласования во втором случае может объясняться, например, аргументным фокусом на именной группе ‘кишки’ или неполной затронутостью этого референта и, как следствие, неопределенности его части.

Влияние разницы в референциальном статусе в системе казымского диалекта подтверждается и на элицитированных примерах: субъектно-объектное спряжение используется с уникальным и известным прямым объектом (48b), но не с референтным неопределенным (48a).

(48) a. *pet'a-j-en mōlsər aj_iki χǎtsə-s / *χǎtsə-s-λe*
Петя-EP-POSS.2SG какой.INDEF мальчик ударить-PST[3SG] / ударить-PST-3SG>SG
{Кого ударил Петя?} ‘Петя ударил КАКОГО-ТО МАЛЬЧИКА.’

b. *pet'a-j-en tām aj_ike-n χǎtsə-s / χǎtsə-s-λe*
Петя-EP-POSS.2SG этот мальчик-POSS.2SG ударить-PST[3SG] / ударить-PST-3SG>SG
{Кого ударил Петя?} ‘Петя ударил ЭТОГО МАЛЬЧИКА.’

Контексты уникальных, но не известных (не упоминавшихся ранее в тексте) участников в позиции прямого дополнения устроены менее регулярно. Так, в приведенном ниже фрагменте (49) объектное спряжение используется только с О-участником ‘печь’, но не с другими упоминаемыми участниками, хотя ни один из этих участников не был упомянут ранее. Вероятное объяснение состоит в том, что печь является наиболее значимой частью традиционного жилища, поэтому здесь она в наибольшей степени активирована, ср. похожее рассуждение в [Nikolaeva 2001: 36–39] о влиянии семантического отношения ‘часть-целое’ на использование объектного спряжения. Однако окончательные выводы могут быть сделаны только по итогам отдельного исследования подобных примеров на материале текстов.

(49) *kōrta imōltijn śi jōχətsəm, tāl χǎtlət sōra pǎtlə-λ-ət,*
деревня-DAT наконец FOC прийти-PST-1SG зима день-PL быстро темнеть-NPST-3PL
jetn-a śi jǝw-em-əs, lampə-j-ew nōχ wūsīt-s-əw,
вечер-DAT FOC стать-PNCT-PST лампа-EP-POSS.1PL вверх разжигать-PST-1PL
kōr-ew ǎl-s-ew, mōls-em nir-a nōχ iχət-s-əm
печка-1PL разжечь-PST-1PL>SG малица-POSS.1SG жердь-DAT вверх вешать-PST-1SG
‘Наконец я пришел на стойбище. Зимой быстро темнеет. Наступил вечер. Зажгли лампу. Затопили печь. Малицу на жердь повесил.’ [Корпус: «Вечером», 2–7]

А-участник также обязан занимать высокую позицию в референциальной иерархии вне зависимости от референциального статуса, ср. референтный неопределенный А-участник при определенном (50) и неопределенном О-участнике (51). Следовательно, для

использования субъектно-объектного спряжения необходимым условием является определенность обоих участников.

(50) *aj_iki pet'a-j-en χṷtsə-s / *χṷtsə-s-λε*
 мальчик Петя-EP-POSS.2SG ударить-PST[3SG] / ударить-PST-3SG>SG
 {Кого ударил мальчик?} 'Мальчик ударил ПЕТЮ.'

(51) *aj_iki amp χṷtsə-s / *χṷtsə-s-λε*
 мальчик Петя-POSS.2SG ударить-PST[3SG] / ударить-PST-3SG>SG
 {Кого ударил мальчик?} 'Мальчик ударил СОБАКУ.'

Значима также позиция А-участника в иерархии одушевленности: если А-участник — человек, допустимо использование обоих спряжений (52). Если же А-участник — животное, единственным вариантом остается субъектное спряжение (53) с тем условием, что О-участник уступает А-участнику по одушевленности, в противном случае используется пассив (54).

(52) *pet'a-j-en tām an-en šūkət-əs / šūkət-s-əλλε*
 Петя-EP-POSS.2SG этот чашка-POSS.2SG разбить-PST[3SG] / разбить-PST-3SG>SG
 {Что Петя разбил?} 'Петя разбил ЭТУ ЧАШКУ.'

(53) *amp-en tām an-en šūkət-əs / *šūkət-s-əλλε*
 собака-POSS.2SG этот чашка-POSS.2SG разбить-PST[3SG] / разбить-PST-3SG>SG
 {Что собака разбила?} 'Собака разбила ЭТУ ЧАШКУ.'

(54) *pet'a-j-en amp-ən tɔχəm-s-a*
 Петя-EP-POSS.2SG собака-LOC кусать-PST-PASS[3SG]
 {Что собака сделала с Петей?} 'Собака Петю УКУСИЛА.'

Исключение составляют контексты вроде (55), в которых животное приобретает топикальный статус в текущем фрагменте дискурса за счет того, что выполняет последовательность действий.

(55) *χṷlta aj wəj-lenki mǎn-əs, amōj jiləp χət wɛr-əs,*
 куда маленький зверь идти-PST[3SG] или новый дом делать-PST[3SG]
amōj katra χət-əl nōχ leśət-s-əλε
 или старый дом-POSS.3SŚ вверх готовить-PST-3SG>SG
 'Куда хоть мышка делась: или новую норку она сделала, или старую норку починила.' [Корпус: «Мышка», 15]

Таким образом, спряжение в казымском хантыйском, как и залог, чувствительно к положению участников на референциальной иерархии и иерархии одушевленности. Необходимым условием использования субъектно-объектного спряжения является определенность А- и О-участника. Кроме того, субъектно-объектное спряжение свободно используется только в случае, если А-участник — человек, тогда как использование объектных форм с А-участником животным ограничено контекстами, в которых животное является полноценным действующим лицом.

4. Казымский хантыйский как язык промежуточного типа

Рассмотрев кодирование участников в казымском хантыйском с точки зрения их иерархической позиции, мы можем вернуться к вопросу, поставленному нами в начале статьи, о том, какая стратегия для хантыйского является базовой: аккузативная или иерархическая. В пользу аккузативной стратегии свидетельствуют следующие факты:

- Первичное согласование с S/A-участником, вторичное — с О-участником;
- Пассивный залог с продвижением в позицию подлежащего О-участника;
- Тяготение S/A-участника к начальной позиции в предложении;
- Наличие маркированного аккузатива у личных местоимений.

Все эти свидетельства при ближайшем рассмотрении как минимум небесспорны. Например, валидность первых двух аргументов в значительной мере зависит от того, какой мы видим роль пассивного залога в глагольной системе. Если рассматривать пассив только как дополнительный дискурсивный механизм повышения топикальных участников и понижения нетопикальных, то хантыйская система вписывается в аккузативную модель. Однако, как было показано выше, хантыйский пассив занимает центральное место в глагольной системе, наряду с активом, зависит не только от дискурсивных, но и от семантических параметров и характеризуется высокой частотностью в текстах. С учетом этих особенностей пассив обнаруживает гораздо большее сходство с инверсивным залогом в иерархических языках. При таком ракурсе уместно говорить не о продвижении О-участника в позицию подлежащего, а о первичном согласовании с О-участником и о специальном маркировании посредством пассивного показателя превосходства данного участника по сравнению с А-участником на некоторой иерархии.

Порядок слов тоже не может рассматриваться как полноценный аргумент в пользу аккузативной стратегии, поскольку он не является строго фиксированным. Так, в текстах нередко встречается обратный порядок OSV, как в (56) ниже.

- (56) *wǎli lawəl-ti tǎw-ew liw wǎ-s-el*
 олень стеречь-NFIN.NPST земля-POSS.1PL они взять-PST-3PL>SG
 ‘Землю, на которой пасем оленей, у нас забрали.’ [Корпус: «Олени», №3]

Единственным относительно надежным свидетельством остаются аккузативные формы личных местоимений. Данные формы в том или ином виде фиксируются во всех диалектах северной группы, ср. аккузативная форма с показателем *-t(i)* в казымском хантыйском и эмфатические объектные формы с посессивными показателями в обдорском и шурышкарском диалектах, ср. обсуждение посессивных форм в [É. Kiss 2020].

В то же время, если сравнивать казымский хантыйский с классическими иерархическими языками, то, на первый взгляд, обнаруживается мало общего. Языки вроде тибето-бирманских или алгонкинских довольно строго противопоставляют первое и второе лицо третьему, а также имеют специализированные показатели для конкретных сочетаний лиц двух участников. Однако некоторые принципы ролевого кодирования в казымском хантыйском все же напоминают кодирование в иерархических системах:

- Активный залог используется, если А-участник превосходит О-участника в иерархии одушевленности либо оба участника имеют одинаково высокий статус, в противном случае используется пассив;
- Субъектно-объектное спряжение свободно используется в случае, если А-участник — человек, использование субъектно-объектных форм с А-участником животным ограничено;
- Активный залог ограничен контекстами, в которых А-участник равен в референциальном статусе О-участнику или превосходит его, в противном случае предпочитается пассив;
- Субъектно-объектное спряжение используется при определенных А- и О-участнике;
- Пассивный залог всегда используется при нереферентном А-участнике и, напротив, никогда не используется в случае, если А-участником является высокореферентное личное местоимение.

Если сравнивать между собой аргументы за аккузативность и иерархичность хантыйской системы кодирования участников, можно заметить, что аргументы в пользу первого отражают скорее поверхностный вид кодирования, совпадающий с тем, что мы видим в аккузативных языках. В свою очередь, доводы в пользу второго касаются непосредственно мотивирующих факторов использования тех или иных средств кодирования и составляют более подробную картину, хотя и не отменяют в полной мере первых аргументов. В сущности, все это говорит о том, что кодирование в хантыйском могло дрейфовать в

сторону иерархических систем и даже, возможно, в какой-то момент приближаться к ним, но в своем современном виде не является в полной мере иерархическим и имеет признаки аккумулятивности, которые сформировались вероятно под ареальным влиянием русского, коми-зырянского и других окружающих аккумулятивных языков.

О том, что хантыйский язык раньше был в некотором смысле ближе к иерархическим говорит тот факт, что в письменных источниках рубежа XIX и XX веков на обдорском диалекте фиксируются примеры вроде (57), в которых местоименный О-участник при пассивном залоге сохраняет объектную посессивную форму.

(57) ...но'м-ынъ о'л-ды мунгъ То'рымъ А'зе-у-на
 верх-LOC быть-IPFV.PTCP/INF мы бог отец-POSS.1PL-LOC
 луи-л-а'ль ла'быт-л-а-ить.
 он-PL-3SG/3PL[DAT/ACC] кормить-NPST-PASS-3PL
 '...их питает Бог Отец наш небесный' [Кашкин 2019: 98]

Это можно рассматривать как свидетельство того, что маркированные формы личных местоимений в обдорском хантыйском до недавнего времени не имели строгой привязки к объектной позиции, а скорее функционировали как эмфатические, ср. [É. Kiss 2020: 8–12], а сужение использования данных форм до аккумулятивных/дативных вероятно является следствием перестройки хантыйской системы на аккумулятивную⁴. Такую перестройку, если она в действительности имела место, можно сравнить с некоторыми системами двухактантного согласования в тибето-бирманских языках, в частности в одном из диалектов языка кхам, где аккумулятивное кодирование в своем историческом развитии «наслаивается» поверх иерархического [Watters 2002: 398–416; DeLancey 2017: 97].

Напоследок стоит наметить возможные дальнейшие направления исследования. Во-первых, что касается диалектной вариативности хантыйской системы, то на данный момент известно об ориентации ролевого кодирования на топикальность участников в обдорском диалекте [Nikolaeva 2001] и в восточных диалектах [Filchenko 2012: 118–120], а также о дифференцированном маркировании А-участника в восточных диалектах в зависимости от агентивности/контроля [Filchenko 2005: 37–39]. Все это при определенном ракурсе может рассматриваться в ряду иерархических эффектов кодирования участников и пополняться другими подобными эффектами. Исследование данных явлений может способствовать пониманию общей диалектной и ареальной картины ролевого кодирования.

Во-вторых, интересным направлением представляется диахроническая эволюция хантыйской системы кодирования, которая привела к наблюдаемому в настоящий момент диалектному разнообразию. Поскольку мы располагаем ранними текстами только на обдорском диалекте, помимо их детального изучения и сопоставления с современными текстами, для этой цели необходимо углубленное сопоставление современных текстов на разных хантыйских диалектах с привлечением материала ареально и генетически близких языков.

В-третьих, остается открытым вопрос о кодировании участников в менее прототипических с точки зрения (морфо)синтаксиса и семантики контекстах, к примеру в неканонических переходных и дитранзитивных конструкциях, а также в эвиденциальных и императивных формах, имеющих собственные парадигмы спряжения. В этих контекстах могут обнаруживаться отклонения от наблюдаемого кодирования в силу особенностей морфологии, синтаксиса, семантики и диахронического развития используемых конструкций. Рассмотрение этих контекстов позволит существенно расширить наши представления об общих механизмах кодирования участников.

⁴ Подобное развитие могла претерпеть и форма на *-t(i)* в казымском диалекте, хотя у нас нет подтверждающих данных, поскольку мы не располагаем ранними письменными источниками на этом диалекте.

Заключение

В статье на материале полевых и текстовых данных казымского диалекта хантыйского языка рассмотрен вопрос об отнесении хантыйского к языкам с иерархической стратегии ролевого кодирования вопреки устоявшимся представлениям о его аккумулятивности. В активном залоге хантыйский язык имеет ряд аккумулятивных черт, таких как первичное согласование с S/A-участником и аккумулятивные формы личных местоимений. Однако включение в рассмотрение пассивного залога наряду с активным позволяет обнаружить ряд иерархических эффектов кодирования участников: предпочтительное, а в некоторых контекстах даже обязательное использование пассивного залога при обратном соотношении А- и О-участника по одушевленности и референциальному статусу, а также строгое требование определенности обоих участников при субъектно-объектном спряжении и ограниченное использование субъектно-объектных форм при А-участнике, не являющемся человеком. Все это позволяет говорить о как минимум промежуточном статусе стратегии ролевого кодирования в казымском хантыйском между аккумулятивной и иерархической стратегиями.

Литература

- Вальгамова и др. 2011 — *Вальгамова С. И., Кошкарева Н. Б., Онина С. В., Шиянова А. А.* Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты) / под ред. Н. Б. Кошкаревой. Екатеринбург: Баско, 2011.
- Каксин 2010 — *Каксин А. Д.* Казымский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск: Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок. изд. 2-е, доп., 2010.
- Кашкин 2019 — *Кашкин Е. В.* Памятник хантыйской письменности "Священная история" (Тобольск, 1900): некоторые особенности морфологии глагола // Урало-алтайские исследования. 2019, 4. С. 91–106.
- Кошкарева 2002 — *Кошкарева Н. Б.* Коммуникативная парадигма хантыйского предложения // Языки коренных народов Сибири. Вып. 12. Новосибирск, 2002. С. 29–44.
- Соловар 2010 — *Соловар В. Н.* Статальные элементарные простые предложения с пассивными формами глагольного сказуемого в казымском диалекте хантыйского языка // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010, 9.2. С. 91–98.
- Bárány 2015 — *Bárány A.* Differential object marking in Hungarian and the morphosyntax of case and agreement. PhD diss., University of Cambridge, 2015.
- DeLancey 2017 — *DeLancey S.* Hierarchical and accusative alignment of verbal person marking in Trans-Himalayan // *Journal of South Asian Languages and Linguistics*. 2017. Vol. 4, 1. P. 85–105.
- Dixon, Aikhenvald 1997 — *Dixon R. M. W., Aikhenvald A.* A typology of argument-determined constructions. // *Essays on Language Function and Language Type. Dedicated to T. Givón / Ed. Bybee J., Haiman J., Thompson S.* Amsterdam: Benjamins, 1997. P. 71–113.
- Filchenko 2005 — *Filchenko A.* Non-canonical agent-marking in Eastern Khanty: A functional-pragmatic perspective // *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*. 2005. Vol. 11, 1. P. 29–40.
- Filchenko 2010 — *Filchenko A. Y.* Aspects of the grammar of Eastern Khanty. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Томский государственный педагогический университет, 2010.
- Filchenko 2012 — *Filchenko A.* Continuity of information structuring strategies in Eastern Khanty. // *Argument Structure and Grammatical Relations. A crosslinguistic typology / Ed. Suihkonen P., Comrie B., Solovyev V.* Amsterdam: John Benjamins, 2012. P. 115–131.
- Gildea, Zuñiga 2016 — *Gildea S., Zuñiga F.* Referential hierarchies: A new look at some historical and typological patterns // *Linguistics*. 2016. Vol. 54, 3. P. 483–529.

- Givón 1983 — *Givón T.* Topic continuity in discourse: A quantitative cross-language study. John Benjamins Publishing, 1983.
- É. Kiss 2013 — *É. Kiss K.* The inverse agreement constraint in Uralic languages. // *Finno-Ugric Languages and Linguistics*. 2013. Vol. 2, 1. P. 2–21.
- É. Kiss 2019 — *É. Kiss K.* Fused grammatical and discourse functions in Ob-Ugric: Case, agreement, passive // *Arbeitspapier*. 2019. Vol. 130. P. 163.
- É. Kiss 2020 — *É. Kiss K.* Accusative or possessive? The suffix of pronominal objects in Ob-Ugric // *Finno-Ugric Languages and Linguistics*. 2020. Vol. 9, 1–2.
- Kulonen 1994 — *Kulonen U. M.* The Passive in Ob-Ugrian. Helsinki: Finno-Ugrian Society, 1989.
- Lambrecht 1994 — *Lambrecht K.* Information structure and sentence form: topic focus and the mental representation of discourse referents. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Nichols 1992 — *Nichols J.* Linguistic diversity in space and time. University of Chicago Press, 1992.
- Nikolaeva 1999 — *Nikolaeva I.* Ostyak. München: LINCOM Europa, 1999.
- Nikolaeva 2001 — *Nikolaeva I.*, 2001. Secondary topic as a relation in information structure. // *Linguistics*, 2001. Vol. 39, 1: 1–50.
- Siewierska 1998 — *Siewierska A.* Nominal and verbal person marking // *Linguistic typology*, 1998. Vol. 2. P. 1–53.
- Siewierska 2013 — *Siewierska A.* Alignment of Verbal Person Marking // *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology / Ed. Dryer M. S., Haspelmath M. Vol. 406, 2013 (Available online at <http://wals.info/chapter/100>, Accessed on 2021-03-10.).
- Thompson 1994 — *Thompson C.* 1994. Passive and inverse constructions. // *Voice and inversion* / Ed. Givón T. Vol. 28, 1994. P. 47–63.
- Virtanen, Sosa 2018 — *Virtanen S., Sosa S.* Remarks on areal linguistics in the information structure of the Ob-Ugrian languages // *Folia Uralica Debreceniensia*, 2018. Vol. 25. P. 233–260.
- Watters 2002 — *Watters D.* A grammar of Kham. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Zuñiga 2006 — *Zuñiga F.* Deixis and alignment: Inverse systems in indigenous languages of the Americas. John Benjamins Publishing, 2006.

Список сокращений

A — агенс, ACC — аккумулятив, ADD — аддитив, ADJ — атрибутивизатор, DAT — датив, DEM — демонстратив, DIM — диминутив, DIR — директив, EP — эпентеза, FOC — фокус, INDEF — неопределенность, INF — инфинитив, INTNS — интенсив, INV — инверсив, IPFV — имперфектив, LAT — латив, LOC — локатив, NFIN — нефинитная форма, NPST — непрошедшее время, OBJ — объект, OBL — косвенная форма, PASS — пассив, PL — множественное число, PNCT — пунктив, POSS — посессив, PRF — перфект, PST — прошедшее время, PTCP — причастие, SG — единственное число.